

Труды Отдела древне-русской литературы

Том 11

ISBN 978-5-458-62516-6

На страницах ТОДРЛ публикуются статьи, посвященные самым разнообразным вопросам русистики, как источниковедческого, так и общетеоретического характера. Здесь публикуются новонайденные памятники письменности, обзоры и описания различных рукописных собраний, издаются текстологические исследования, работы по поэтике древнерусской литературы, библиографические обзоры и т. д. Содержание: Шарлемань Р. В. Заметки к «Слову о полку Игореве». — С. 7—12; Егоров Н. М. Мышью или мыслью?. — С. 13; Югов А. К. Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в «Слове о полку Игореве». — С. 14—21; Глухов В. М. К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь. — С. 22—38; Щепкина М. В. К вопросу о сгоревшей рукописи «Слова о полку Игореве». — С. 39—47; Стеллецкий В. И. К вопросу о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — С. 48—58; Каргер М. К. К характеристике древнерусского летописца. — С. 59—71; Скрипиль М. О. «Слово Даниила Заточника». — С. 72—95; Воронин Н. Н. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике. — С. 96—102; Казакова Н. А. Идеология стригольничества — первого еретического движения на Руси. — С. 103—117; Путилов Б. Н. Песня о Евпатии Коловрате. — С. 118—139; Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — С. 140—155; Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV века. — С. 156—186; Моисеева Г. Н. О некоторых источниках «Казанской истории». — С. 187—197; Зимин С. А. «Беседа Валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства. — С. 198—208; Данилов В. В. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века. — С. 209—217; Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — С. 218—254; Автократов С. Н. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века. — С. 255—279; Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков: («комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.). — С. 280—299; Гранстрем Е. Э. О происхождении глаголической азбуки. — С. 300—313; Сапунов Б. В. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII веков. — С. 314—332; Материалы и сообщения. — С. 333—422; Данилов С. В. Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 года. — С. 335—341; Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — С. 342—367; Позднеев А. В. Экземпляры первого издания «Слова о полку Игореве» в ленинградских хранилищах и частных собраниях. — С. 368—373; Наэль М. Экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» в собрании Центральной библиотеки Академии наук ЭССР. — С. 374; Левина С. А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века. — С. 375—379; Мещерский Н. А. К вопросу о датировке Виленского хронографа. — С. 380—386; Малышев В. И. Новый список «Сказания о киевских богатырях». — С. 387—390; Калачева С. В. Еще раз о датировке «Повести о Савве Грудцыне». — С. 391—396; Кузьмина В. Д. «Игра пирожная»: (неизвестная комедия демократического театра XVIII века). — С. 397—421; По рукописным собраниям Советского Союза (печатается под наблюдением В. И. Малышева). — С. 423—488; Малышев В. И. Археографическая экспедиция в Усть-Цильмский район Коми АССР. — С. 425—439; Голубев И. Ф. Собрания рукописных книг г. Калинин. — С. 440—463; Лукьянов В. В. Рукописные собрания Ярославского областного архива и ярославского педагогического института им. К. Д. Ушинского: (краткий обзор). — С. 464—470; Малышев В. И. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. — С. 471—479; Тихомиров М. Н. Каргопольские рукописи. — С. 480—486; Маслов Н. М. Боровское собрание рукописей Калужского областного краеведческого музея. — С. 487—488; Хроника. — С. 489—510; Дмитриева Р. П. Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. — С. 491—499; Шервинский С. В. Отчет постоянной Комиссии по «Слову о полку Игореве» Союза советских писателей СССР: (За период с 1951 года по 1 декабря 1954 года). — С. 500—503; Данилов В. В. Новое польское издание «Слова о полку Игореве». — С. 504—505; Еремин И. П. Д. И. Абрамович: (некролог). — С. 506—510;

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Заметки к „Слову о полку Игореве“

„Заря свѣтъ запала“

Один из первых переводчиков „Слова о полку Игореве“ А. М. Белосельский в конце XVIII века заметил: „Сия поѣма написана на исходе XII ст. на словено-русском языке, но столько встречается в ней малороссийских названий, что не знающему польского языка трудно и понимать“.¹ Еще определенной высказался В. Пассек: „Бессмертное Слово о походе Игоря есть произведение Малороссии“.² М. А. Максимович³ сближал украинские народные песни со „Словом о полку Игореве“. Как ни относиться к односторонним высказываниям первых двух авторов, все же нужно согласиться, что в древнерусском языке, в частности в „Слове о полку Игореве“, содержится большое количество слов и выражений, полностью сохранившихся в современном украинском языке. Да иначе и быть не могло, так как „Слово о полку Игореве“ — произведение общего предка трех народов: русского, украинского и белорусского.

К созвучным современному украинскому языку выражениям принадлежит фраза „заря свѣтъ запала“.

Памва Берында, который, судя по подбору ряда слов в „Лексиконе словеноросском“ (1627), был знаком со „Словом о полку Игореве“,⁴ слово „заря“ переводит как „зоря, свѣтлость“. Возможно поэтому, что „заря“ и „свет“ в древности были синонимами.

Издатели первого печатного издания „Слова“ интересующую нас фразу перевели: „свет зари погасает“. Д. Дубенский⁵ почти полвека спустя интерпретировал это место так: „заря с светом пропала“. В комментарии он писал: „заря запала — заложила, залегла свет, от глагола западати“. О. Огоновский⁶ утверждал, что слово „свет“ является „придатком“ (attribution) к слову „заря“, поэтому с последним и согласован глагол „запала“. Всю фразу он перевел так: „Довго ніч меркне, заря світлая запала, и мгла поля покрила“.

Акад. В. Н. Перетц⁷ привел несколько параллелей к слову „запала“ в значении „заповедала, пропала“ и т. д. Присоединившись к толкова-

¹ Л. К. Ильинский. Перевод „Слова о полку Игореве“ по рукописи XVIII в. Памятники древней письменности и искусства, вып. CLXXXIX, Пгр., 1920.

² Воспоминания Т. П. Пассек, т. II. СПб., 1906, стр. 163.

³ Украинские народные песни. М., 1834.

⁴ В „Лексиконе“ Берынды встречаются слова: лепо, див, славий, ворон, волк, пардус, кур, заря, свет, волна, сморщ (смерч), тулы и т. п.

⁵ Слово о полку Игореве. М., 1844, стр. 47.

⁶ О. Огоновський. Слово о полку Игоревѣ, поетичний пам'ятник руської письменності XII віку. Львів, 1876, стр. 50.

⁷ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1928, стр. 180.

нию О. Огоновского, он считал, что наиболее правильным было бы „запала“ понимать в украинском значении — „зайнялась“ от глагола „палати“. Такое толкование он обосновал примерами из оригинальной и переводной древнерусской литературы. Однако на это авторитетное высказывание не было обращено должного внимания: переводчики и комментаторы продолжали переводить „запала“ то как „уронила“ (Д. С. Лихачев),¹ то как „задержала“ (И. А. Новиков), то как „гаснет“ (Л. И. Тимофеев). Правильнее понял это место В. И. Стеллецкий,² в переводе которого читаем: „заря свет зажгла“. По тому же пути пошел и Н. А. Заболоцкий,³ заменив лаконичное выражение „Слова“ длинной фразой: „засветился утренними зорями восток“.

Украинское понимание слова „запала“ находим у большинства украинских авторов. Еще в 30-х годах XIX века И. Вагилевич⁴ в переводе „Слова“ прозой дал такую трактовку: „зорі світ запалав“. В датированном 1860 годом стихотворном переводе С. Руданского⁵ читаем „заря — світ запала“. В переводе В. Ю. Федьковича,⁶ выполненном, как полагают, в 1866 году, сказано: „зоря запалала“. В Щурат⁷ в 1907 году перевел это место как „зоря пале“. Наконец, в советской украинской литературе в переводе М. Ф. Рыльского⁸ читаем: „зоря світ-день ізвістуге“. К такому пониманию фразы присоединился и комментатор украинского академического издания „Слова“ Л. Е. Махновец.⁹ Только М. К. Грунский¹⁰ понял это место своеобразно: „зоря — світ запізналася“.

Смысловый анализ цитированной фразы убеждает нас в правильности ее понимания большинством украинских авторов. В „Слове“ дано чудесное описание утра: долго ночь меркнет, заря-свет запылала, мгла поля покрыла, щеко́т соловьиный уснул, говор галочий пробудился. В этой точной картине ничто не может быть изменено: когда кончается „долгая“ (для войска, с нетерпением ожидающего первого боя) ночь, когда поля покрывает предрассветная мгла, когда умолкает ночное пение соловьев и слышатся первые крики проснувшихся галок, то в это время на небе пылает заря — приближается восход солнца. В такие мгновения свет зари не „гаснет“, заря не может „уронить свет“, этот свет не может и „опоздать“ („запізнитися“), он может только пылать, может „гореть“, как в „Полтаве“ у А. С. Пушкина.

Еще о тисе

В заметке „На кровати тисовѣ“¹¹ мы высказали предположение, что упоминание тиса в „сне Святослава“ имело не только реалистическое, но и символическое значение.

¹ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Малая серия, изд. 3-е, Л., 1953, стр. 181.

² Слово о полку Игореве. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 186.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Слово о полку Игоревѣ. Вид. АН УРСР, Київ, 1953, стр. 66.

⁵ Там же, стр. 106.

⁶ Там же, стр. 136.

⁷ Там же, стр. 193.

⁸ Там же, стр. 216.

⁹ Там же, стр. 27.

¹⁰ Слово о полку Игореве. Київ, 1952, стр. 76.

¹¹ Н. В. Шарлемань. Из комментариев к „Слову о полку Игореве“. Труды ОДРА, т. X, 1954, стр. 225—227.

Тис, как одна из наиболее твердых пород древесины, шел на изготовление различных вещей домашнего обихода, вплоть до клепок для ушатов в древнем Новгороде.¹ Его значение как символа долговечности сохранилось до нашего времени кое-где на Карпатах. В гуцульских селах в Станиславской области УССР при постройке дома стремятся заделать в стену хотя бы кусочек тисовой древесины.

Повидимому, еще большее значение имел тис при погребениях. Так, О. Огоновский² напомнил, что, по поверию древних римлян, тис (Taxus) считался деревом подземного мира. В „Метаморфозах“ Овидия есть строфа: Est via declivis, funesta nubila taxo (Ovid. Metam. IV. 432). Это поверие нашло свое отражение и в украинском фольклоре. В народной песне, записанной в середине XIX века, поется:

Да положить мое біле тіло на тисовій лави,
Да и зроблять на мое біле тіло труну тисовую...³

Итак, надо полагать, что „кровать тисова“ в „Слове о полку Игореве“ должна рассматриваться не только как кровать князя из прочного дерева, но и как его смертное ложе. Такое символическое значение тиса совершенно исключает вольные переводы этого места, как „кровать тесовая“ или даже „кровать сосновая“. Подобные переводы, якобы допустимые в целях большей доступности „Слова“ для читателей, в действительности вульгаризируют и искажают торжественный стиль памятника.

Еще одно замечание: некоторые переводчики и комментаторы ошибочно пишут „тисс“ (с двумя „с“). Как указал акад. Л. С. Берг, „тис“ — древнеславянское название и должно писаться с одним „с“.

„Полозие“

История перевода на современный русский язык фразы „полозию ползоша только“ может служить примером того, как иногда правильно прочитанные первыми исследователями „Слова о полку Игореве“ некоторые „темные места“ позднее искажались. Выражение „полозию (а после поправки Е. В. Барсова⁴ — „полозие“) ползоша только“ произвольно соединялось с предыдущей фразой и переводилось на современный язык как „сороки не стрекотали, но двигались только по сучьям“.⁵

В течение свыше 150 лет переводчики и комментаторы заставляли ползать „по лозию“ то сорок, то дятлов. Только В. Даль в „Толковом словаре русского языка“ указал, что „полозие“ в „Слове“ означает „змея“. Однако это толкование не было аргументировано.

Позднее Вс. Миллер⁶ предложил две гипотезы для объяснения этой фразы. Приведя толкование В. Даля, Миллер сперва согласился с тем, что слово „полозие“, в единственном числе „полоз“, „могло быть русским названием какого-нибудь ползучего гада“. Он упомянул также, что в польском языке словом „роѓоз“ называют крупную змею, удава.

¹ В. А. Янин. Великий Новгород. Сб. „По следам древних культур. Древняя Русь“, Госкультпросветиздат, М., 1953, стр. 243.

² О. Огоновський, ук. соч., стр. 93.

³ А. Метлинский. Народные южнорусские песни. Киев, 1854, стр. 371.

⁴ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М., 1887, стр. 285—286.

⁵ Слово о полку Игореве. СПб., 1800, стр. 43.

⁶ Вс. Миллер. Взгляд на „Слово о полку Игореве“. М., 1877, стр. 245—246.

Вс. Миллер отметил еще одну интересную параллель: „Слово сань в чешском языке значит змея, это же слово до сих пор слышится в наших санях, так и полоз — название змея — находим в полозьях саней“. Это простое и, как видим дальше, вполне правильное объяснение не удовлетворило самого исследователя: он почему-то пришел к убеждению, что в данном месте автор древнего источника, „повидимому, изображает исключительно состояние птичьего царства“. „Поэтому, — пишет он, — было бы уместно находить в полозьях каких-нибудь птиц, нежели гадов“. Такой птицей Миллер предложил считать „ползика“ (*Sitta*). Утверждение, что в данном месте речь идет только о птицах, ни на чем не основано. Можно найти в „Слове“ ряд фраз, в которых названы и птицы и звери: орлы, волки, лисицы, гоголь, горностаи и др. Птицы упоминаются в „Слове“ чаще других животных, надо полагать, просто потому, что в природе они встречаются в значительно большем количестве, чем звери, и в несравненно большем числе, чем змеи. Великий поэт в своем произведении и отразил эти соотношения. С точки зрения натуралиста, таким образом, вторая гипотеза Вс. Миллера не выдерживает критики. Мелкую птичку поползня — *Sitta europaea* („ползика“ — по номенклатуре Миллера) — нигде у нас не называют полозем или полозом. Среди 25 народных названий этой птички нет ни одного, которое давало бы основание для такого отождествления. На Украине поползня чаще всего называют звукоподражательно: смовз, смовзик, чмовх, снос;¹ в Подмосковье распространены названия — ямщик, волчок, ползунок.² Такие наименования, как поползень, ползик, являются преимущественно книжными. К тому же эта птичка не встречается на юге за пределами старых лесов лесостепной зоны, и упоминание поползня в сцене, связанной с поймой нижнего Дона, т. е. со степью, было бы диссонансом в изумительно точных описаниях природы в „Слове“. Кроме того, поползень очень часто издает громкий свист, за что он и получил у московских птицеловов кличку „ямщик“. Поэтому эта птица была бы непригодна для изображения утренней тишины в критический момент бегства Игоря. Как это ни странно, не первая, а вторая гипотеза Миллера нашла последователей. Сперва ее поддержал И. А. Новиков,³ а недавно к нему присоединился В. И. Стеллецкий.⁴ Последний даже сделал попытку подкрепить эту гипотезу новыми аргументами из области естествознания, но эти обоснования только увеличили количество ошибок в данном вопросе. А. А. Потебня⁵ отверг оба толкования Вс. Миллера, считая „сомнительной в авторе Слова мелочность изображения“. „Более заметный, — по его утверждению, — пестрый дятел еще может броситься в глаза“ и поэтому более уместен в „Слове“. „По лозию значит, конечно, не по лозяку (кустарнику), а по ветвям деревьев“, — пишет А. А. Потебня.

В последнее время И. А. Новиков,⁶ изменив своему первому толкованию интересующей нас фразы, склонился к мнению Потебни, переводя это место так: „только лазили дятлы“.

¹ Н. В. Шарлемань. Словник зоологічної номенклатури, ч. 1. Назви птахів. Київ, 1927, стр. 30.

² См.: М. А. Мензбир. Птицы России, т. II. М., 1895, стр. 794.

³ И. А. Новиков. Слово о полку Игореве. М., 1948.

⁴ Примечания к переводу. Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, стр. 302.

⁵ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Изд. 1-е, Воронеж, 1878, стр. 146; изд. 2-е, Харьков, 1914, стр. 146.

⁶ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, стр. 108.

Автор настоящей статьи в свое время,¹ пытаясь восстановить правильное понимание данного „темного места“ „Слова“, привел несколько аргументов в подкрепление толкования В. Даля. Это толкование приняли некоторые исследователи и переводчики: Д. С. Лихачев, С. И. Маслов, М. Ф. Рыльский, Н. Забила. Однако позднее это толкование встретило новое возражение. Повторяя высказывание В. Миллера, Л. А. Дмитриев² заметил, что „образ ползающих змей нарушает поэтическую целостность картины, в которой дается изображение только птиц“. Последнее высказывание и заставило автора настоящей статьи снова вернуться к толкованию „полозиев“. В дополнение к изложенному в предыдущей статье автора можно добавить, что еще сравнительно недавно многочисленные на нашем юге крупные змеи — полозы играли виднейшую роль и в степном ландшафте и в фольклоре. О полозах упоминается во многих источниках раннего и более позднего времени.

В XVII веке о многочисленности змей на Украине писал Самойло Величко.³ Чаще, чем других животных, упоминает змей французский инженер Боплан в своем „Описании Украины“.⁴ Встреча со змеями, в частности с крупным полозом, вблизи г. Лохвицы описана польским автором В. К. Машкевичем.⁵ Полоз якобы был „толщиною в человеческую руку и длиною почти в копье“. Ряд сведений о полозах находим и в литературе XVIII и XIX веков. Польский ученый Габриель Ржончинский⁶ писал, что полозом (połoz) на Украине называлась крупная змея, водившаяся преимущественно в степях. Автор приводит и латинское название ее — *Coluber trabis*, сохранившееся до наших дней в качестве синонима одного из видов полозов.

Даже в XIX веке встречи с полозом производили сильное впечатление на наблюдателей. М. Левченко⁷ описал встречу с такой змеей, длиной якобы в 5 аршин и толщиной в руку взрослого человека. Эти размеры, по видимому, преувеличены, так как в наше время наиболее крупные экземпляры полозов на Украине лишь слегка превышают в длину 2 м (т. е. 3 аршина).

Известный историк Украины Н. Ф. Сумцов⁸ утверждал, что полозы „живут и еще долго будут жить в сказаниях народа“. Высказывания Сумцова следовало бы помнить исследователям „Слова“, отрицающим толкование слова „полоз“ как „змей“. Это указание нашло блестящее подтверждение и в наше время. Полозы часто упоминаются в чудесных уральских сказах П. П. Бажова, а Мариэтта Шагинян⁹ сообщила недавно фантастический рассказ об армянском полозе „шахмаре“, рассказ, основанный несомненно на фольклоре. Чл.-корр. Академии

¹ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“. Труды ОДРА, т. VI, 1948, стр. 121—122.

² Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, комментарий на стр. 287—288.

³ Летопись событий Самойла Величко. Киев, 1864.

⁴ Перевод см.: Материалы, относящиеся к истории южной Руси, вып. II. Киев, 1896.

⁵ Там же, стр. 415.

⁶ G. Rzeczyński. Historia naturalis curiosa Regni Poloniae. Sandomir, 1721, стр. 249.

⁷ М. Левченко. Исчезнувшие и исчезающие в южной России животные. Киевская старина, 1882, кн. 8, стр. 377—378.

⁸ Н. Ф. Сумцов. Культурные перспективы. Киевская старина, 1890, кн. 4, стр. 99—100.

⁹ М. Шагинян. Дневник писателя. М., 1953, стр. 223.

наук СССР Е. В. Зверозомб-Зубовский любезно сообщил мне, что рассказы о полозах существуют и среди населения нижнего Дона.

Подводя итог, нетрудно прийти к выводу, что полозы были широко известны на юге, где происходили события Игорева похода, и что упоминание в „Слове“ „полозиев“, крупных блестящих змей, вовсе не свидетельствует „о мелочности изображения“, как предполагал А. А. Потебня.

Фольклор с давних времен сохранил до нашего времени сведения о крупных змеях. Н. Ф. Сумцов авторитетно утверждал, что „в сказаниях о полозах раскрывается отчасти техника народного поэтического творчества“. Поэтому нельзя согласиться с Вс. Миллером и Л. А. Дмитриевым в том, что полозы в „Слове“ нарушили бы „поэтическую целостность“ картины. Наоборот, упоминание полотов в „Слове“ придает картине природы не только „поэтическую целостность“, но и особый „колорит юга“. Подобный образ употребил и М. Ю. Лермонтов. Помните:

Хотя бы крикнул коростель
Иль стрекозы живая трель
Послышалась! Или ручья
Ребячий лепет! . — Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя
.....
Скользила бережно...

Замечательно, что два гениальных русских поэта — XII и XIX столетий — нашли аналогичные образы для изображения тишины в природе, тишины, благоприятной для героев. Заметим, что ни автор „Слова“, ни М. Ю. Лермонтов не боялись нарушить „поэтическую целостность“, называя змей наряду с птицами и зверями.

Кто видел живого полоза в степи, бесшумно скользящего в траве, тот согласится с выводами, что „полозие“ „Слова“ — это змеи, полозы, — поэтический образ, затмевающий „ползающих“ сорок, дятлов, „ползиков“ и „ползунчиков“, которые действительно были бы „мелкими изображениями“.

Н. М. ЕГОРОВ

МЫШЬЮ ИЛИ МЫСЛЮ?

В „Слове о полку Игореве“ дается такая характеристика Бояна: „Растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакъ“.

Что такое „мыслию“ (мысию) — мышью или мыслью? Несомненно — первое. Как два последних образа, так и первый взяты безусловно из природы. И. А. Новиков,¹ который вслед за Е. В. Барсовым и В. Далем перевел это слово как „летущею векшею“, был прав, остановившись на образе животного. Но и Даль и Новиков совершили ошибку, взяв белку, хотя бы и „летущую“.

И белка и летяга — зверьки северных лесов, автору „Слова“, южанину, неведомые. Ему знакомо другое животное — лесная мышь, жизнь которой настолько тесно связана с деревом, что она даже и гнезда свои плетет в ветвях кустарников. Лесная мышь — *Dugomys nitedula* Schreb. — обитатель южнорусской и северокавказской лесостепи и встречается везде, где есть кустарниковые заросли, фруктовые и ягодные сады и пойменные леса. Это преимущественно ночное животное. Днем лесная мышь спит таким крепким сном, что ее без всякого труда можно взять из гнезда; последнее и послужило причиной того, что она теперь именуется у населения „соней“. Лесная мышь принадлежит к числу самых милостивых наших зверьков, движения ее необычайно легки и грациозны (см. у Брема). Именно эту грациозность движения сони по дереву и имел в виду автор „Слова“ в своей характеристике Баяна, сочетавшего в своем творчестве грациозность движения сони по дереву, стремительность бега волка по земле и плавное парение орла под облаками.

Кроме того, надо считаться и с тем, что Баян „растекашется мысию по древу“, а не по „древесам“, как это требовалось бы для летяги, о котором говорит Новиков.

---

¹ И. А. Новиков. Слово о полку Игореве. М., 1938.

А. К. ЮГОВ

Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в „Слове о полку Игореве“

„Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше“, — сказано в „Слове о полку Игореве“ о князе Всеславе Полоцком. В толковании выделенного мною слова „друзѣ“ уже от самого обнаружения памятника обозначались разногласия среди исследователей и переводчиков. Не буду загромождать вопрос перечислением всех оттенков этого разногласия. Основное — в том, что одни принимают это слово так, как стоит оно и в Мусин-Пушкинском издании и в Екатерининском списке, т. е. „друзѣ“, и переводят речение „въ друзѣ“ как „в другом, в ином“. Другие же, не видя убедительного осмысления в таком переводе, считают необходимым исправление текста: вместо „въ друзѣ тѣлѣ“ они читают „въ дрѣзѣ тѣлѣ“ („в дерзе теле“) и переводят как „в дерзновенном, в дерзком, в отважном теле“.

Это последнее толкование, начиная, если не ошибаюсь, с Киевского съезда, все больше и больше брало верх, а в наши дни стало общепринятым, „школьным“, так сказать. „В друзе“ всегда исправляют на „в дерзе“. В частности, твердо держится этого Д. С. Лихачев.

Мне же всегда казалось, что современные исследователи несправедливо прошли мимо и предали забвению взгляды на этот предмет и очень веские доводы в пользу „в друзе“, которые неоднократно и с глубоким убеждением высказывал Ф. И. Буслаев.

Как ведомо, Ф. И. Буслаев исходил из того, что Всеслав Полоцкий — волшебник, оборотень, перевоплощавшийся в разные тела. Таковым этого князя изображает и летопись и „Слово“. У Буслаева мы находим в целом ряде его трудов обоснованные и всем нам привычные сближения образа Всеслава и с Китоврасом и с Волхом Всеславичем. „Другое тело, по-моему, — пишет Буслаев, — означает не другого или какого-нибудь человека вообще, а именно другое тело, не свое собственное, а волчье, которое надевал на себя герой, перерыскивая путь великому Хорсу“.¹

Это суждение повторено, с привлечением цитаты из летописи, и в комментариях Ф. И. Буслаева к „Слову“ в хрестоматии для средних учебных заведений: „Перечень мифических превращений наши предки находили в книгах, известных под именем чаровников, напр. «еще есть сие: летают орлом, ястребом, вороном, дятлом, совою; рыщут рысию, лютым зверем, зверем диким, волком; летают змием». Сравни

---

¹ Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. СПб., 1861, стр. 391.

в былинне о Волхе Всеславиче, как он учился премудростям: «А и первой мудрости учился»... «обертываться ясным соколом»; ко другой-то мудрости учился он Волх «обертываться серым волком» и пр. — Сама летопись дала повод к баснословному преданию о Всеславе, «его же роди мати от волхвованія...». Поэтому у Всеслава была душа вещая и переходила она в чужое тело (в дружее теле: прилагательное в краткой форме вм. в другом теле...)¹

Автору „Исторической грамматики русского языка“ хорошо известны были доводы противников его толкования, однако эти доводы ничуть не убедили его. Выказав без колебаний свою аргументацию в пользу „в дружее“, он лишь мимоходом, исключительно в целях осведомления учащихся, сообщает, что есть и другой взгляд: „Вместо въ друзѣ тѣлѣ иные читаютъ въ дръзѣ тѣлѣ, т. е. в дерзком или дерзновенном теле“.²

Кто же прав? На чьей стороне истина? И можно ли в конце концов договориться на едином для всех толковании этого спорного места? Мне думается, что можно, но при одном непременном условии: рассматривать его не обособленно, а в свете всего того, что сказано в „Слове“ о Всеславе Полоцком. Надо исходить из самого существа этого образа. А в чем же оно состоит? Во-первых, в том, что этот Всеслав — волшебник, колдун, оборотень, перевоплощавшийся в иные тела и передвигавшийся с невероятной быстротой; во-вторых, это князь, захвативший на краткое время киевский престол. Волшебник и узурпатор! Две стороны даны автором „Слова“ в этом образе: мифологическая и историческая.

Отнюдь не одно речение „в дружее“, („в дерзе“) по-разному переводится из текстов, относящихся к Всеславу, но и „клюками подпрѣся о кони и скочи“, и „ни хытру, ни горазду“, и „обѣсися синѣ мьглѣ“, и „вѣща душа“. Разногласия велики. Одни указывают на одно значение древнерусского слова, другие — на другое. У каждого находится та или иная опора в словаре. А между тем, как мне кажется, этих неплодотворных споров можно было бы избежать, если бы любое из этих мест мы осмыслили не обособленно, а в свете единого образа — князя-волшебника. „Комплекс Всеслава“ (да будет разрешено мне сие необычное выражение) должен во всех этих спорах окончательно решить, какое значение древнерусского слова надлежит нам принять и в том, и в другом, и в третьем случае.

Памятуя об этом, приступим к разбору названных мест в произвольном порядке.

* * *

Вряд ли можно сомневаться, что в древнерусском языке и во времена „Слова о полку Игореве“ слову „хитрый, хитрый“ присуще было, среди прочих, и то значение, которое близко стоит к современному, особенно в живом языке древней Руси. Так что трудно оспорить только на основе одних лексико-семантических соображений право некоторых переводчиков „Слова“ придавать слову „хытр“ обычное житейское значение — „хитрый, лукавый“. И. И. Срезневский к слову „хитрый“ дает множество значений, подкрепляя их соответственными текстами.³ В его

¹ Ф. Б у с л а е в. Русская хрестоматия. Изд. 12-е, М., 1912, стр. 99—100.

² Там же, стр. 100.

³ И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893.

„Материалах“ указываются: искусный, искусно сделанный, творческий, художник (как существительное), знающий, сведущий, ученый, мудрый, разумный, замысловатый, благопристойный. Не забыто и значение обычное, житейское — „хитрый“, „ловкий“. Только вот что странно и вызывает несогласие: как раз это простое, житейское значение слова „хитрый“ доказывается лишь одним единственным текстом и, как на беду, относящимся именно к Всеславу, о котором и летопись и „Слово о полку Игореве“ держатся общего мнения, что это, дескать, человек отнюдь не простой, не обычный, а волшебник, колдун. Несколько удивляет, что И. И. Срезневский упустил указать, что слово „хитрый“, равно как „хытръ“ и „хитрець“, имеет доказанное, несомнительное значение — „колдун“, „волшебник“, „ведун“, — и при этом не только в древнерусском языке, но и вплоть до наших дней — в изустном народном творчестве, в сказках. В особенности такое значение, повидимому, присуще, когда слово сие выступает в форме субстантивированного прилагательного „хытр“, т. е. как в „Слове“ и в некоторых сказках о колдунах и ведьмах.

В древнерусском тексте „Александрии“ египетский царь-волшебник Нектенав добывает престол не битвами и сражениями, а „волховной хитростью“. Непопулярная царица Олимпиада просит его, чтобы он „разрешил чрево“ ей „хитростью“ своею, т. е. несомненно чародейством, волшебством, что явствует из всего смысла сказания.

Слишком очевидно сходство между способами, которыми добыли себе престол египетский „хитрець“ царь Нектенав и русский „хытр“ Всеслав Полоцкий, чтобы пренебречь таким сближением! „Сий Нектенав, Египетским странам царь, волховною хитростью и звездочетием царь беше... К бою и рати нейдеше... но на помощь себе имаше волховную хитрость...“ — сказано о царе Нектенаве. Князь же Всеслав, согласно „припевке“ Баяна, есть „хытр“. А добыл он киевский престол не как-либо, а „клюками“: „клюками подпрься“.

Ныне слово „клюка, клюки“ уже никто, кажется, не решается переводить, как переводили в старину — наивно и прямолинейно: клюка — закомлястая изогнутая палка, клюшка и т. д. Нет надобности напоминать здесь о всех заведомых несуразностях, которые проистекали в прошлом из такого прямолинейного перевода слова „клюками“. Однако поучительно будет вспомнить два-три образчика.

Огоновский утверждал, что под „клюками“ следует разуметь здесь „ноги загнутые, кривые“; Кораблев — что Всеслав „поднялся на хитрость в конях“; Мей — „опираясь ходулями, из окна скакнул он к Киеву“; Гербель — „и не клюкой подпираясь, а сев на коня боевого“; Майков — „перегнулся на седле, помчался“; Пожарскому же казалось, что „клюками подперся о кони“ — это значит „самострельными машинами укрепился на лошадях“, и т. д. и т. д.

Это явное нежелание переводчиков полюбопытствовать, в каком значении находим мы слово „клюка“ в древнерусских памятниках, вызвало законное негодование Головина: „К досаде всех переводчиков, — писал он, — Всеслав не употреблял ни самострельных снарядов, ни клюк, ни костылей, чтобы овладеть престолом киевским, а овладел им своими хитростями“.¹

В наши дни окончательно принят перевод слова „клюками“ как „хитростями, через хитрости“.

¹ Цит. по кн.: Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружиной Руси, т. I. М., 1887, стр. 368.